

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Оформление серии и иллюстрация
на обложке *Екатерины Елькиной*
Редактор серии *Таисия Масленникова*

Антонова, Наталия Николаевна.
А72 Слишком верная жена: [роман] / Наталия Антонова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Уютный детектив).

ISBN 978-5-04-105011-5

В небольшом городке жили две сестры, Анна и Маргарита. Они дружили, хотя разница в характере бросалась в глаза. Про Анечку все говорили, какая она хорошая девочка – умница, отличница, характер золотой. Марго же, напротив, была оторвой. Несмотря на это, за Марго бегали десятки поклонников, она меняла мужчин как перчатки. И даже не побрезговала единственной любовью Анечки – ее горячо обожаемым мужем Сашей. Но Анна терпела. Все бы так и продолжалось, если бы одним утром Саша не был найден убитым на своей даче. Виноваты ли «девочки» в его смерти? Ответить на этот вопрос должен следователь Шура Наполеонов и его очаровательная подруга – детектив Мирослава Волгина.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антонова Н. Н., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство

«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105011-5

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

От автора

Глава 1

Наступил сентябрь, но приход осени оставался еще почти незаметным. Только листья постепенно становились золотыми, малиновыми, бронзовыми, ночи делались длиннее, но днем еще было достаточно тепло, и небо оставалось ослепительно-голубым. Впрочем, те, кто не обделен наблюдательностью, знают, что такой упоительной бирюзой небеса наполняются именно осенью, в самом ее начале.

А после прошедшего жаркого лета осень воспринималась как заслуженная награда, отдохновение, праздник. Казалось, что вокруг разлились умиротворение и благодать.

Чаще всего хотелось просто лежать на траве и смотреть на небо, наслаждаясь самим фактом своего существования.

Именно этим и занималась частный детектив Мирослава Волгина, когда ее позвал помощник Морис Миндаугас:

— Мирослава!

— Что случилось? — спросила она лениво, сгребая в охапку лежащего рядом черного пушистого кота Дона.

— Клиент звонит. Подойдете? Или сказать, чтобы позвонил попозже?

— Кто ему нас рекомендовал?

— Ян.

— Белозерский?!

— А у вас еще есть знакомые с таким именем? — усмехнулся Морис.

— Вроде больше нет, — вздохнула она.

— Так что сказать клиенту?

— Сейчас подойду, — вздохнула Мирослава и, поднявшись с травы, направилась к дому.

Кот последовал за ней.

Рашид Нуралиев пребывал в прекрасном настроении, он умело вел свой джип «Мицубиси» и тихо напевал за рулем.

Рядом с ним сидел Геннадий Наливайко и молча смотрел на дорогу. Он давно уже знал почти весь песенный репертуар Рашида, хотя тот, как правило, пел на татарском языке.

— Ты чего такой хмурый? — не выдержав, спросил друга Нуралиев. — Может, мне сменить пластинку?

— Что? — растерянно переспросил Геннадий, вынырнув из своих размышлений.

— Спрашиваю, чего ты такой хмурый? Может, тебе другую песню спеть?

— Пой что хочешь, — отмахнулся Геннадий.

— Обижаешь.

— Извини.

— Да что случилось-то?

— Все то же, Иришке нездоровится, Таня сердится, что я уехал...

Таня была женой Геннадия, а Иришка — его восьмилетней дочерью.

— Постой, ты же говорил, что они у тещи в Калининграде отдыхают?! — удивился Рашид.

— Говорил, — понуро согласился Наливайко.

— Они вернулись, что ли?

— Нет! Они вернутся через две недели.

— Тогда не понимаю, чего твоя Таня сердится?

— Ну, она звонила, и я сказал, что мы с тобой едем завтра, то есть сегодня, к Сашке на дачу.

— Все равно ничего не понимаю, — сказал Рашид, — в чем проблема?

— В том, что я еду развлекаться...

— А ты едешь развлекаться? — усмехнулся Рашид.

— Выходит, что так, — вздохнул Геннадий.

— Друг, возьми меня с собой! — толкнул его локтем в бок Нуралиев.

— Ты лучше руль обеими руками держи, — проворчал Наливайко.

— Ох, и зануда же ты, Генка!

Наливайко тяжело вздохнул.

— Ты что, не мог объяснить своей Татьяне, что едешь на дачу не развлекаться, а отдыхать. И что если ты будешь дома чахнуть над телефоном, то Иришке лучше не станет.

— Я пытался...

— А она?

— Бросила трубку.

— Правильно я делаю, что не женюсь, — констатировал Рашид.

— Нет, не правильно, — возразил Наливайко, — мужчина обязан жениться, любить свою жену, растить детей.

— Я же говорю, зануда, — ухмыльнулся Нуралиев, — и как только мы с Сашкой тебя столько лет терпим.

— Вам видней.

— Ладно, не обижайся и не нуди. Успокойся твоя Танюха, просто она сейчас нервничает. Вот поправится Иришка, и все будет в ажуре.

— Думаешь?

— Уверен! — оптимистично ободрил Рашид друга.

Судя по изменившемуся выражению лица Геннадия, заверения друга его и впрямь успокоили. Он стал смотреть на проплывающие мимо пейзажи за окном. Потом выдохнул:

— Красота!

— То-то! — удовлетворенно отозвался Рашид и запел свою очередную песню.

Утренний воздух был прозрачным и прохладным, как родниковая вода.

— Да, кстати, откуда у тебя синяк под глазом? — спросил долго молчавший Геннадий.

— Ты что, только сейчас заметил? — фыркнул Рашид.

— Нет, почему, — пожал плечами Наливайко, — заметил я сразу, а спросить решил сейчас.

— О шкаф ночью ударился.

— Не знал, что у твоих шкафов есть кулаки, — улыбнулся Геннадий.

— Отстань, — отмахнулся Нуралиев.

— Не хочешь — не говори.

— Не хочу.

Они въехали в дачный поселок, запахло поздними яблоками, грушами, виноградом, хризантемами, бархатцами и еще какими-то поздними цветами.

Дача Александру Фалалееву досталась от родителей. И он сбегал на нее, чтобы отдохнуть от жены или любовницы, а иногда просто чтобы покуролесить с друзьями.

Знали друг друга друзья давно, можно сказать, с детства. Саша и Гена вместе учились, а Рашид жил в одном подъезде с Александром, был их ровесником, но учился в другой школе с углубленным изучением английского языка. Отец Рашида мечтал, чтобы сын стал дипломатом. Но как-то не сложилось...

Несмотря на то, что английский Нуралиев изучил в совершенстве, работал он начальником отдела безопасности сети молочных магазинов «Дойная корова» и был очень доволен местом своей работы.

Гена стал учителем и преподавал химию в той же школе, в которой когда-то учился сам. А Александр устроился на работу менеджером в фармацевтическую компанию, которая оказывала посреднические услуги между крупными поставщиками и сетью местных аптек.

— Паразит ты, Саня, — ласково говорил другу время от времени Рашид.

— Это еще почему? — всякий раз вскидывался тот.

— Потому как ничего не делаешь, а деньги имеешь.

— Как это ничего не делаю?! — притворно возмутился тот, подыгрывая другу, — я ввожу на рынок необходимые народу лекарства.

— Я и говорю, что, не пачкая рук, стрижешь шерсть сразу с двух овец.

— С каких еще овец?!

— С продавца и с покупателя.

Саша принимался возмущаться, а Рашид только хохотал в ответ. Тогда Фалалеев шел в наступление:

— А сам-то! — восклицал он.

— Что сам? — хитро прищуривал карие глаза Рашид.

— Можно подумать, что ты сам молоко даешь!

— Не горячись, Санек, у нас все чисто.

— Разъясни непонятливому.

— Разъясню, — охотно включался в игру Рашид, — сеть молочных магазинов «Дойная корова» принадлежит Марату Наильевичу Курбанову, ему же принадлежит ферма в пригороде и завод по переработке молока и превращения его в сметану, творог, кефир и другие полезные для здоровья народа продукты. Так что у нас все по-честному.

— По-честному у них, — беззлобно ворчал Александр.

Геннадий, как правило, в их привычные пререкания не вмешивался и лишь иногда ронял:

— И не надоело вам?

— Нет! — чуть ли не в один голос радостно откликнулись друзья.

Рашид остановил свой джип почти у самого забора Сашиной дачи. Забор был самым обыкновенным, не двухметровым, а, можно сказать, советским, из дерева и со щелями. Рашид не раз предлагал другу организовать современный забор, чтобы было круто, как у всех. Но Александр отмахивался:

— Зачем мне на этой даче такой забор, тут красть, кроме яблок и цветов, нечего. И потом, — добавлял он глубокомысленно, — если я тут все сделаю на «отлично», сюда жена повадится ездить, а так она эту дачу не любит и зовет ее не иначе, как — «шесть соток с видом на деревянный туалет». Так что я тут душой отдыхаю.

— Ну, тебе виднее, — отвечал Рашид, в душе соглашаясь с точкой зрения друга.

К жене Александра Анне он относился хорошо, впрочем, как и к Гениной Татьяне, но время от времени хотелось отдохнуть в чисто мужской компании. И места для этого лучше, чем старая Сашкина дача, он не знал...

— Слушай, калитка почему-то нараспашку, — сказал Геннадий.

— Да, действительно, — недоуменно согласился Рашид и предположил: — Может, у них летнюю воду вырубали, и он в колонку с ведрами пошел?

— Может...

— Ладно, я джип закрою и пойдем, подождем его в доме.

Геннадий зашел во двор, сорвал яблоко с ветки яблони, растущей у самой калитки, вытер его носовым платком и с наслаждением надкусил. Сладкий сок брызнул на язык.

— У-у, — промычал он довольно.

— Чего мычишь? — рассмеялся Рашид.

— Вкусно! — ответил, прожевав кусочек, Наливайко.

— Соблазнитель ты, Генка, — ухмыльнулся Нуралиев и тоже сорвал яблоко, — и как таких, как ты, к детям допускают?

— Причем здесь яблоки и дети? — удивился Наливайко.

— Темный ты, Генка, а еще учитель.

— Сам ты темный.

— Ага, коли светлый, то вспомни, из-за чего Еву с Адамом из рая выгнали? — рассмеялся Рашид.

— Тебе бы только поржать, — невозмутимо ответил Геннадий, вытирая руки платком.

— Ну, чего, в дом почапаем?

— Пошли.

Они прошли по скрипящим половицам сеней. На скамейке стояли ведра, полные воды. На кухне было открыто окно, и ветер беззастенчиво трепал тонкую жалобно шуршащую занавеску, пользуясь ее полной беззащитностью.

— А может, он сходил за водой и опять заснул? — предположил Наливайко.

— Пошли, посмотрим. Ну, если Сашка дрыхнет, я на него ведро воды вылью, — пригрозил Рашид.

— Чего он не может у себя дома прилечь отдохнуть?

— Сходил за водой и умаялся, — усмехнулся Рашид, — он должен был червей накопать, лодку привести в порядок, удочки и еду приготовить.

— Должен...

— Как мы и договаривались! — Рашид отстранил друга и первым влетел в спальню.

Наливайко последовал за ним, но был чуть ли не сбит с ног вылетевшим обратно из комнаты Нуралиевым.

— Ты чего? — отпрянул Геннадий, — на тебе лица нет...

— Цыц! — Рашид прижал руку к горлу.

— Ты чего? — повторил Наливайко и хотел заглянуть через плечо друга.

— Не ходи туда, Ген.

Рашид вытащил сотовый и стал нажимать на кнопки. Ничего не понимающий Геннадий удивленно наблюдал за другом.

— Зачем «Скорую» и «Полицию»? Сашке плохо?

— Очень плохо, — подтвердил Рашид, схватил друга за рукав и потащил обратно к двери.

Тот шел, не сопротивляясь, и лишь когда Рашид вытолкнул его из сеней на крыльцо, потребовал:

— Объясни, в чем дело!

— Сашку убили.

— Как убили?!

— Не знаю, как, кровь там.

— Может, он еще живой, — Наливайко устремился было обратно в дом.

Но Нуралиев схватил его за рукав:
— Стой! Не ходи туда. Не живой он.
— Но посмотреть-то надо!
— Полиция приедет и посмотрит, — проговорил Рашид, не выпуская рукав друга из рук.
— Дапусти ты!
— Успокойся. Сашке ничем не поможешь. А топтаться там не надо. Пусть полиция найдет только следы убийцы.
— Ты думаешь, они там есть? — шепотом спросил Наливайко.
— Должны быть, — повел широченными плечами Нуралиев, — не бесплотный же дух там орудовал.
— Что мы Ане теперь скажем? — испуганно спросил Наливайко.
Рашид снова пожал плечами и опустил голову.
Полиция и «Скорая» приехали почти одновременно. Наливайко поспешил на звук сирены и, встав в проеме калитки, замахал рукой:
— Сюда!

Следователь Александр Наполеонов был раздражен и пребывал, мягко говоря, не в духе. И понять его было можно: дежурство заканчивалось, и вот на тебе — вызов. А так хотелось домой, съесть поздний завтрак, приготовленный мамой, и завалиться спать.
«Но, видно, не судьба», — философски подумал следователь.

Зато фотограф Валерьян Легкоступов был полон энтузиазма. Казалось, что чувство усталости вообще было ему неведомо.

— Как здорово, что мы едем за город! — радовался он еще в машине.

Наполеонов даже не стал спрашивать, что было в этом здорового, только бросил на фотографа тяжелый взгляд, который Валерьян даже не заметил.

Судмедэксперт, ироничный Зуфар Раисович Илинханов, на этот раз отмалчивался. Эксперт-криминалист, благодушный Афанасий Гаврилович Незовибатько, отзвонившись любимой жене Оксане: «Оксаночка, не волнуйся, я задержусь», — дремал всю дорогу. Молодой опер Аветик Григорян, разложив на коленях газеты, сосредоточенно разгадывал кроссворд.

— Помочь? — спросил Илинханов.

Григорян в ответ покачал головой.

— Все при деле, — фыркнул про себя Наполеонов и подумал, что ему тоже неплохо было бы подремать. Но спать расхотелось. И, словно прочитав его мысли, Илинханов протянул ему термос с кофе.

— Спасибо, — поблагодарил следователь и отлил себе немного ароматной жидкости в нахлобученный на термос пластиковый стаканчик.

Въехав в дачный поселок, полицейский автомобиль проехал по прямой, свернул направо, как объяснил звонивший, проехал несколько метров и остановился.

— Так, куда дальше? — задумчиво произнес водитель.

Но тут полицейские заметили в проеме калитки одной из дач мужчину, который призывно махал им рукой.